

*«Изголовье из травы»
по-японски означает «путешествие»*

Глава 1

Дорога в Токио

Вначале было слово, и слово это было *Япония*. (О Господи, помоги написать вторую фразу, ибо первая мне просто-напросто приснилась). Я проснулась от этих слов и увидела, что плыву над ночными холмами в черном небе среди знакомых созвездий, но расположенных под иным, непривычным углом, и вспомнила, что я в Японии. Полночным автобусом еду в Токио из древней японской столицы Нара.

Хотя мне всегда казалось, что это полностью нереальная страна, из моей детской книги сказок с корявой черной веткой, усыпанной белыми цветами, нарисованной на картонной коричневой обложке.

Там есть история, как у одной семьи не было детей. В один прекрасный день, работая в огороде, они услышали голос: «Я ваш сын. А вы мои мать с отцом. Отнесите меня домой, положите в кровать, окружите заботой, жизнь ваша наладится, мечты исполнятся, и все будет — лучше не придумаешь». Смотрят, а это — тыква на грядке. Они стали ее всячески лелеять, радоваться, что небо послало им такое сокровище, но только не понимали, как их родной сынок, когда вырастет, будет баюкать их одинокую старость?

Однажды он им велел пойти к императору и смело сватать за него императорскую дочку. Те: «Как? Ты простая тыква! Тем более, из совсем не знатной и неимущей семьи!» Он настаивал. Они, бедолаги, пошли. Кончилось все благополучно.

Не уступая обывательскому сознанию, он не стал суетиться и превращаться из тыквы в принца. Дочка императора влюбилась в него прямо так. Они поженились.

Естественно, в конце концов, он стал японским императором на радость своим уже совершенно ополоумевшим от этих событий родителям.

Да, это была страна, лежащая за пределами наших представлений о мире, за гранью действительности, обитель сновидений. Лишь только раз в жизни я приблизилась к ней территориально — в студенческие годы меня взяли на работу поваром в геологическую экспедицию в Хабаровский край. Мы жили на краю Земли в глухой таежной деревне, затерявшейся среди сопок, три дома, две семьи, один магазин, где продавали все — от водки до трусов, причем многие товары там были японские. Кажется, мы выменивали их диковинные одежды и предметы быта на леса Дальнего Востока, Сибири и Урала.

До сих пор я храню волшебный набор, подаренный мне бородатыми геологами на совершеннолетие: изготовленные в Японии из перламутровой пластмассы расческа, щетка и зеркало с розовой пластмассовой ручкой.

Соседка тетя Зоя расхаживала по двору в японской мохеровой кофте, кормила в таком виде кур, поросят, доила корову. Муж тети Зои, дядька Матвей, сидел вечерами на крыльце, курил беломорину, любовался закатом — в широких самурайских штанах.

Вообще, в тех краях всюду веяло Японией, хотя между нами и ею пролегали озера, бескрайняя тайга, цветущие сопки, Приморский край, горы Сихотэ-Алинь, Татарский пролив и, конечно, пролив Лаперуза.

Недосягаемая, в любом случае — недосягаемая!.. Я в этом окончательно убедилась, когда много лет спустя, уже корреспондентом радио, приехала в Центр управления полетами — взять интервью у космонавтов Серебров и Викторенко.

На циклопическом экране по гигантской карте мира плыл яркий светлячок — космический корабль. Он миновал Южную Америку, прошел Атлантический океан, коснулся европейского континента и... бип! бип! Центр управления полетами ожил. Космонавты Серебров и Викторенко прибыли в зону радиовидимости. Оператор, который вел связь, окликнул космонавтов:

— «Витязи»! Как слышите? Как чувствуете себя? Какое давление?

— Хорошо слышим! Хорошее давление, праздничное! (Было Первое Мая).

Меня представили космонавтам. Я задаю свои вопросы. Напоследок спрашиваю, не встречались ли им во время полета неопознанные летающие объекты.

— Хоть бы кто-нибудь, — отвечают Сан Саныч и Сан Степаныч, — мимо пролетел. Мы уж не мечтаем, чтобы вошел, следы оставил. Они все куда-то ездят в хорошие места на Земле... Да, кстати! — спохватываются «Витязи». — *А как там с поездкой в Японию??? Визы достали???* — серьезно так спрашивает космонавт Викторенко.

Ответить им не успели. Космический корабль уже летел над Тихим океаном. Среди бело-голубых, желтых, красных

звезд бороздили просторы Вселенной «Витязи», и вся наша Галактика простиралась перед ними.

Но чего-то им все же не хватало.

Как выяснилось, это была Япония.

Глава 2

«Тишков плюс один»

Не зря так волновались «Витязи» о визе в Японию. Достать ее чрезвычайно трудно.

Уже у нас с Лёней почти лежали в кармане билеты, благородно предоставленные «Аэрофлотом» журналу «Вояж», лишь оставалось назвать число, и оно готово было в любую минуту сорваться с губ — 25 апреля, начало цветения сакуры!..

Но этот план кренился и стонал в связи с неторопливой вдумчивостью, обстоятельностью и подозрительностью японского представительства.

Во-первых, в японском консульстве все сообщения для нашего народа висят на стенках исключительно на японском языке. Поэтому как-то не сразу нам стало ясно, что «приглашение» здесь принимают только на японском. Нашей подруге из американского посольства в Токио пришлось немало попотеть, чтобы, в конце концов, методом проб и ошибок, прислать нам приемлемый японский вариант.

Нести документы ни в коем случае не следовало в обеденный перерыв или в какой-нибудь общенациональный праздник. (Особенно, не приведи бог, в день рождения японского императора. Хорошо, что он появился на свет зимой.)

— Когда вы отправитесь сдавать документы, — советовал мужу моему Лёне знаток непостижимого японского характера Евгений Кручино из Общества дружбы России с Японией, — идти лучше мужчине, они как-то к женщине относятся без благоговения. Вступая в разговор, старайтесь там ни с кем не встретиться взглядом, японцы избегают смотреть в глаза, им это кажется агрессивным.

— Куда ж мне ему смотреть? — простодушно спрашивал Лёня.

— Смотрите на подбородок! — терпеливо отвечал Евгений Кручино. — И не вздумайте жестиковать! Все наши жесты у них считаются неприличными. Например, поднятый большой палец у русского значит «хорошо», а у японца это означает «возбужденный мужчина»...

— Ближе к японцу лучше не подходить, они даже от своих стараются держаться подальше, — продолжал он. — Их много, а места в Японии мало, они ценят простор. О том, чтобы хлопнуть японца дружески по плечу, вообще не может быть и речи, у него это вызовет только омерзение. Сколько раз я об этом предупреждал, не счесть! — вздыхал Евгений Николаевич. — Нет! Все аккуратно наступают на те же грабли: хлопают японца по плечу, тормозят, прижимают к сердцу... На праздничные презентации являются в черных галстуках — а японцы на похороны черные галстуки надевают...

— Но даже если вы все сделаете правильно, — печально добавил он, — то в любом случае попадете в неудобное положение, потому что у нас — пятки вместе, носки врозь, а у них наоборот. Просто положитесь на судьбу и сдавайте свои документы. Их отправят в Токио, там будут под микроскопом исследовать в Министерстве иностранных дел,

пройдет немало времени, пока они решат, впускать вас с Мариной в Японию или не впускать. *И если один раз откажут, не впустят уже никогда.*

— Причем крайне редко японец вам скажет «да» или «нет». Скорее он произнесет нараспев: «ма» или «ма-ма», что в переводе означает: «Ну-у, как бы это сказать...», «Пожалуй, что да...» или: «Более или менее...» Мудрый ястреб прячет свои когти, — подвел итог Евгений Кручино. — А Япония — это кочерга в вате. Даже если вам и дадут визу, то с такой важностью и не скоро, что вряд ли вы застанете цветение сакуры.

Лёня встал, пожал ему руку и отправился в японское консульство.

Вернулся он оттуда встревоженный.

— Кажется, я совершил роковую ошибку, — сказал он. — В графе «место работы» я просто указал, что я художник, а ты писатель. Наверняка, это вызовет у них подозрение. В Японии все люди где-то служат. Даже если ты простой сочинитель японских трехстиший хайкай, ты ходишь на работу, у тебя есть начальник, заведующие отделами, куча сослуживцев, профсоюз и четкое разделение труда... Один про зиму сидит пишет свои три строчки полный десятичасовой рабочий день, другой про осенние хризантемы, третий воспевает цветущую сакуру... Может, даже у них конвейер: один одну строчку сочиняет, другой другую, третий — третью! Боюсь, что «свободный художник» в их представлении — какой-то праздный, бесхозный бродяга, а впустить в страну две такие сомнительные личности — да это просто посеять смуту среди населения.

— А мне всегда казалось, — говорю, — что там, в Японии, каждый второй художник, каждый третий — калли-

граф, святой отшельник, мастер дзэн, постигший в самом себе сокровенную природу Будды, и буквально каждый без исключения — великий поэт...

— Ну-ну, — сказал недоверчиво Лёня.

И пока наши документы находились во взвешенном состоянии, мы с трепетом ловили в Интернете все новости из Японии о весеннем цветении сакуры. Оказывается, начав цвести в конце апреля, сакура волной расцветает по всей Японии с юга на север, и каждый день по радио сообщают, где расцвела сегодня сакура и где уже отцвела. Короче, она везде уже отцвела, когда нам сказали:

— **ТИШКОВ ПЛЮС ОДИН?** Приходите, есть виза.

— Что значит «Тишков плюс один»? — удивленно говорю я.

— Скажи спасибо, что не «Тишков минус два!» — заметил философски наш сын Серёня.

Рушились привычные декорации, путь, по которому легко было идти день за днем, заметала пурга, все предвещало чудеса, а мой муж Лёня, вернувшись домой с билетами и визами, принес под мышкой «Книгу самурая».

— Вдруг я на узкой тропинке встречу самурая? — сказал он с опаской. — Я должен знать, что делать: смотреть в глаза и выхватывать меч, или смотреть на подбородок и отойти в стороночку?..

日本国大使館・総領事館
EMBASSY OF JAPAN
領収証 (RECEIPT)
〒125-8502 東京都港区赤坂一丁目1-1
RECEIVED FROM: Mikhail A. H.
THE SUM OF: 50000
FOR THE FOLLOWING CHARGE:
 VISA
 CONSULT
No. 14

Глава 3

«Мне нет прощения!»

В Японию десять часов лету, я за время пути связала полсвитера. Мы летим и по русско-японскому разговорнику пытаемся изучить ключевые японские фразы.

— «Мне хотелось бы одеяло!» — читает Лёня жалостливым голосом. — «Я хочу есть». «Я не хочу идти с вами!» «Не мог бы кто-то понести мой багаж?» «Я потерял кошелек!» «У меня украли сумку!!!» «Я плохо себя чувствую». «У меня болит желудок». «Воды!» «Вызовите врача!» «...А медсестры красивые?»

— Это мы не запомним, — говорю. — Лучше бросить все силы на то, чтобы выучить два слова: «спасибо» и «извините», будем все время их повторять, к месту и не к месту.

Мы даже так решили: он выучит «спасибо», а я — «извините». Этого достаточно. Ну, уж на крайний случай, если удастся, разучим сложнейший оборот, фигуру высшего пилотажа, почти сократовское: «*Я совсем ничего не понимаю*».

Говорят, японцы умопомрачительно вежливы, но не из-за какого-то слишком уважительного отношения к окружающим. Я читала разные книжки перед отъездом, и там написано, что сквозь современную японскую вежливость явственно проступают черты древней феодальной дисциплины, насажденной в народе острием меча. Вот

так, например, была изложена статья «Основного правила этикета дома Тогукава Иэясу», феодала, о котором официальная история вспоминает, как об «умном, благородном, душевном, понимающим свой народ, предельно вежливым и обаятельным властелине страны» (всего там сто статей, эта, сорок пятая, называется просто «Разрешение рубить и разбросать»):

«Простые люди, ведущие себя недостойно по отношению к представителям военного класса или обнаружившие неуважение к ним, могут быть зарублены на месте».

Еще совсем недавно, если младший ехал на велосипеде и встречал старшего, он должен был слезть с велосипеда и поклониться. А если младший шел в пальто, он должен был снять пальто! И тоже поклониться.

Сейчас, конечно, делаются различные уступки и послабления, но не слишком.

Поэтому слово «простите» — «сумимасэн» — (оно переводится как «мне нет прощения!») — в Японии употребляется на каждом шагу. Иногда оно даже заменяет простое приветствие, вроде: «Простите, что я есть!» А последнее время его стали использовать вместо «спасибо», ведь люди побеспокоились о вас, и вы очень сожалеете и жутко признательны. «Сумимасэн» — на все случаи жизни, японцы слышат его по сто раз на дню, так что истинное его значение почти стерлось. И когда речь идет о реальном неудобстве, требующем серьезных извинений, то всплывает совсем другое выражение, в три раза более уничижительное: «Я просто не могу подобрать слов, чтобы выразить свое сожаление...» и так далее, и тому подобное.

Покупатель, зайдя в совершенно пустую булочную, тоже приветливо крикнет «Сумимасэн!», словно извиняясь

за возмутительный поступок. Хотя на самом деле он хочет яростно прорычать: «Эй, есть тут кто-нибудь живой?! Черт вас всех побери!!!»

Кстати, существенное обстоятельство в Японии — об этом честно предупреждает справочник: частенько японцы думают одно, а говорят совсем другое. Лишь говорящий знает, да, может, его собеседник ухватывает смысл. Остальные всё слышат, но не берут в толк, о чем идет речь.

Это древнее искусство имеет свое название «харагэй». Его многовековому процветанию помогает сам строй японского языка — там одни и те же слова во фразе можно понять и так и эдак. Харагэй — чисто японский способ вести беседу, в которой ты улавливаешь (или благополучно упускаешь) скрытую, потаенную суть.

Короче, когда наш самолет приземлился в японском аэропорту Нарито, мы с Лёней были во всеоружии.

Мы вышли на улицу — накрапывал дождь, и сразу запахло рыбой, морем, водорослями... Вокруг были только японцы, одни японцы, больше никого! Мы сели в автобус, и аккуратный шофер в ослепительно белых перчатках («А я думал, это профессор социологии!» — сказал мне Лёня) повез нас в Токио.

В огромное лобовое стекло сквозь завесу дождя на меня наплывал этот странный, жутковатый город, как гигантский конструктор «Lego», временами обрываясь в золотистые холмы и озера, в тусклой дымке тумана вдруг вспыхнул бордовый многоярусный клен. А я то засыпала, то просыпалась, помню стойкое ощущение сновидения — и во сне, и наяву. Похожее чувство в девятнадцатом веке испытал писатель Иван Гончаров, вплывая на фрегате «Паллада» в бухту Нагасаки:

«Что это такое? — воскликнул Иван Александрович. — Декорации или действительность?!!»

В центре Токио нас встретила наша американская подруга — кореянка Ин Ми, отвела домой, накормила и сразу уложила спать. Лёня заметил в коридоре свою картину, которую он подарил ей в Москве.

— А почему моя картина висит в коридоре, а не в изголовье над кроватью? — спросил он, засыпая.

— Здесь нельзя ничего вешать над кроватью, — ответила Ин-Ми, — здесь почти каждый день землетрясение.

Это были последние слова, которые я услышала в тот нескончаемый день.

Колодец мудрости Эзены

Глава 4

«Огқи для вашей собаки»

Проснулись от хриплого демонического смеха — кто-то за окном издавал такие звуки:

— А-АХХ — ХХА-А — ХХА-А — ХА-А!..

На балконе здоровый черный ворон крепким костяным клювом опрокидывал горшки с цветами, заботливо посаженными Ин Ми, учинял форменный погром.

Черный ворон — бич Токио. Крупные иссиня-черные вороны чувствуют себя тут полноправными хозяевами. Особенно с утра в понедельник, пока за работу не принялись уборщики, ворон со знанием дела потрошит помойки, вскрывает мусорные пакеты, ищет легкой наживы. Японцы их уважают и побаиваются.

Ин Ми уже не было дома, американское посольство переживало нелегкие дни: у Соединенных Штатов произошло какое-то недоразумение с японской подводной лодкой, надо было его улаживать.

И мы пошли одни, куда глаза глядят, по улицам, не имеющим названия, мимо домов безо всякой нумерации. А если дома и пронумерованы, то — как бог на душу положит. Вроде бы все логично: здание, которое возведено первым, — дом «один», вторым — «два». Неважно, что между этими двумя втиснули еще пять громадных башен. Такая неразбериха!